

творческий
портрет

И В Н О В Ы У С П Е Х

С ЛЮДИМОЙ ГУРЧЕНКО мы условились встретиться в павильоне телестудии. Нелегко оказалось выкроить время для этой встречи — съемки телевизионного фильма «Бенефис», ей посвященного, были в самом разгаре. Какие уж тут разговоры, если только на грим иной раз уходило по три часа... Фильм этот предоставлял актрисе столько комических ситуаций, столько танцевальных и вокальных номеров, что другой исполнительнице хватило бы на всю жизнь. Стоило непосредственно понаблюдать за ней, стоило взглянуть в комедийные персонажи, которым отдавалось столько выдумки, энергии, личного обаяния, чтобы убедиться — комическое лицедейство для Гурченко насущная потребность; оно питает ее талант.

Вспомнились и другие ее комедийные роли, сыгранные за последние годы, — в «Табачном капитане», «Соломенной шляпке», «Небесных ласточках». Экцентрику, условность она легко и непринужденно сочетает с живыми, характерными чертами. Это помогает актрисе не передразнивать, а понимать даже тех, к кому она порой иронична и насмешлива. Вот почему самую что ни на есть условную роль она может наполнить жизненным содержанием. При этом танец, пение помогают ей определить и донести до нас «мелодию роли», без которой, собственно, не было бы и образа. Мелодика эта чаще всего становится камертоном для всего фильма.

Много лет прошло со дня премьеры картины «Карнавальная ночь», а нам все еще памятен ее успех. Молодая актриса помогла создать в фильме особую атмосферу — заразительно праздничную. Она не сыграла — она пропела о героине Леночке Крыловой.

«Карнавальная ночь» сделала двадцатилетнюю актрису знаменитой. От нее ждали новых, столь же ярких и темпераментных ролей, такого же амплуа: зритель истосковался по музыкальной комедии. Несомненно, разносторонние артистические данные Людмилы Гурченко требовали особой драматургии — специально разработанных сюжетных ходов и особой режиссуры — органичных для такой драматургии приемов. Но, к сожалению, на первых порах своей работы в кино актриса не встретила режиссеров-единомышленников, способных бережно и внимательно относиться к ее таланту. Фильмы, в которых ей довелось сниматься, потом, эксплуатировали лишь внешние данные актрисы.

Для того чтобы вернуться в комедию, в оперетту, в мюзикл, актрисе понадобилось прежде всего убедить всех в глубине и богатстве своего драматического дара. Людмила Гурченко оказалась человеком не только талантливым, но и сильным. Растерянность трудных лет сменялась жаждой деятельности, решимостью вернуться к зрителю. Недаром она училась во ВГИКе в мастерской народных артистов СССР С. Герасимова и Т. Макаровой: ей привили серьезные творческие интересы, ее научили пристально вглядываться в искусство и в жизнь. И вот на определенном этапе эта необходимейшая наука дала себя знать. Помогла и работа в московском театре «Современник»: именно на его сцене завершилось ее художническое формирование.

Настала пора — и кинозрители открыли эту актрису заново. Людмила Гурченко предстала актрисой, которой близок и понятен любой современный характер, любая современная драма. Удивительно сыграла она, например, Марию в «Рабочем поселке», женщину, ожесточенную войной. До мелочей, до тонкостей знала она свою героиню. Знала, как проворна, споривиста она на работе, в цехе, и как медлительна, скована в своем бедном, неудобном жилище, знала, какой отзывчивой и какой нетерпимой могла она быть в иную минуту. Была в этой роли «сквозная драматургия»: что же возьмет верх — отзывчивость или нетерпимость? На наших глазах шла в Марии мучительная внутренняя борьба — нетерпимость побеждала, и Мария бросала семью, бросала калеку-мужа. Но тем очевиднее становилась авторская мысль о красоте и силе человеческой отзывчивости.

Это была первая «заявка» на глубокий драматический образ, за которой последовали небольшие, но яркие, выразительные характерные роли в «Дороге на Рубецаль», «Детях Ванюшина», «Открытой книге» и, что не менее интересно, кинопробы на главные роли в фильмах «Дневные звезды», «Салют, Мария!», «Здравствуй и прощай», «Монолог». И каждый раз на худсовете говорили: «Любопытная проба, но, увы, не ее роль». Редкий случай — против актрисы обращалась сама ее художническая требовательность, стремление исследовать сущность героя. В единственном проб-

ном эпизоде актер должен изобразить характер как «данность». А Гурченко постоянно шла от своей потребности изображать смену состояний персонажа, искать диалектику образа. Пробы получались перенасыщенными, и это «сбивало» строгих судей.

Очередной раз актриса пробовалась на главную роль в фильме «Старые стены». «Лучшая проба», — сказали на худсовете, — но... И тут вмешался режиссер Виктор Трегубович: «Лучшая — значит она и будет играть...». Так Гурченко получила серьезную роль — Анны Георгиевны, директора текстильной фабрики. Впервые предстояло ей сыграть руководителя — и она нашла верный тон, верную ноту исполнения. Директорство Анны Георгиевны было у нее не начальственным, а скромным, демократичным — и это при том, что актриса рисовала характер крупный, значительный, под стать нашему времени — времени больших свершений и больших тревог.

Именно такой характер ей особенно интересен. Жить полно, чувствовать сильно — любить так любить, работать так работать — такие люди ее привлекают. За внешней скромностью, будничностью облика актриса умеет показать красоту и сложность человеческой души, богатство внутреннего мира. Вспомните ее Нику, Нику Николаевну в фильме «Двадцать дней без войны» — непримиримую театральную костюмершу, заброшенную эвакуацией в далекий Ташкент. Сумрачная, измученная, одетая словно бы с чужого плеча, она вся — плоть

от плоти скудной военной жизни, памятной актрисе по собственным ранним впечатлениям. Жизни ожесточенной и — неистребимой: недаром эта Ника, на первый взгляд женщина без возраста, очерствевшая и такая неженственная в своей драной шубейке, подпоясанной ремнем, эта Ника от эпизода к эпизоду становится все моложе, прозрачнее и нежнее. Как ни трудна ее судьба — веришь, она выстоит, не растратит душевного огня.

Кого бы ни играла Людмила Гурченко, она умеет отобразить не просто характер — судьбу человеческую. Умеет раздвинуть рамки повествования, показать нам целую жизнь. Вот Маргарита Вязникова, экономист большого строительства из картины «Обратная связь». Для нее жизнь немыслима без полной самоотдачи — она живет, не сходя с себя. В драматическом споре о честности и ответственности хозяйственного руководства, о стиле партийной работы ей принадлежит веское слово. И вот что интересно: лаконичный, протокольный стиль фильма, продиктованный серьезностью задачи, стоящей перед авторами, не мешает актрисе изображать человеческую жизнь во всей ее полноте, в смене чувств и настроений. Казалось бы, Вязникова только и делает, что доказывает несостоятельность управляющего трестом, а между тем нам открываются такие подробности ее существования, которые вроде бы и не предусмотрены сценарием — вся ее деятельная, подвижническая жизнь, начиная с той поры, как совсем еще девчонкой, может быть, даже

студенткой-практиканткой, попала она на стройку под началом крупнейшего организатора и специалиста Малунцева, как выросла, стала его помощницей и опорой, связала с ним свою судьбу.

Столь же глубоко и полно раскрыт внутренний мир совершенно иного человека — буфетчицы Тайки Соломиной в только что завершенной «Сибиряке», невезучей и отчаянной Тайки, сумевшей через всю свою жизнь пронести память о первой любви. А «на подходе» у Гурченко новая работа — Тамара в экранизации пьесы А. Володина «Пять вечеров».

Актриса много работает в последнее время — простая не знает. Два года назад, получив на съемках тяжелую травму, она доиграла главную роль в картине «Мама»: костыли и гипс остались «за кадром». Парadoxально, что играла-то она в феерическом фильме-сказке, выступала в любимом своем жанре — музыкальной комедии. Может быть, именно это и придало ей сил: в песенно-танцевальной стихии она — как рыба в воде. Нет, комедия, эксцентрика для нее не «способ разрядки» — способ постижения мира, способ самоотдачи. Работа над серьезными драматическими ролями научила ее настоящему искусству, привила ей абсолютный вкус — она всегда точна, умна, содержательна. И артистическая форма, обретенная в упорной повседневной работе, дает себя знать — кажется, нет роли, которая была бы ей неподвластна.

Л. ДАУТОВА.